

Научная статья

УДК 140.8

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-135-138>

Концепт андрогина сквозь призму философии жизни А. Шопенгауэра и Ф. Ницше

Т. А. Иванова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Иванова Татьяна Александровна, аспирант кафедры философской антропологии, tatiana.ivanova@student.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-191X>

Аннотация. В статье освещаются полярные друг другу глубинные смыслы концепта андрогина сквозь призму философии жизни А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Одним из этих смыслов, коррелирующим с философией Шопенгауэра, является отрицание человеком своей зависимости от желаний и неполноты своего мирского расколотого существования в андрогине как символе целостности. Другой смысл предстает в качестве ницшеанского сверхчеловека, являя собой достижение в андрогине предельной полноты жизни, которая изливается за пределы времени, становясь нетленной. Формулируется вывод, согласно которому эти, на первый взгляд противоположные друг другу смыслы дополняют друг друга и образуют континуум, представленный разнородным пониманием концепта андрогина в философско-исторической перспективе, что позволяет постичь многогранность различных воззрений на феномен андрогина во всей полноте и непротиворечивости. В таком подходе философия жизни, несмотря на отсутствие в ней выделенного концепта андрогина, выступает в качестве связующего звена между различными пониманиями андрогинизма, которое позволяет преодолеть противоречия и осуществить их синтез, благодаря чему открывается совершенно новое осмысление идеала андрогина для человека – в перспективе стремление к преодолению себя. Параллели между концептом андрогина и идеалами Шопенгауэра проводятся впервые.

Ключевые слова: андрогин, сверхчеловек, философия жизни, целостность, полнота, идеал человека, метафизика пола, гендер

Для цитирования: Иванова Т. А. Концепт андрогина сквозь призму философии жизни А. Шопенгауэра и Ф. Ницше // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 135–138. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-135-138>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Article

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-135-138>

The concept of the androgyne through the prism of the philosophy of life of A. Schopenhauer and F. Nietzsche

T. A. Ivanova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Tatiana A. Ivanova, tatiana.ivanova@student.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3659-191X>

Abstract. The article gives coverage to the deep meanings of the concept of androgyne which are polar to each other through the prism of the philosophy of life of A. Schopenhauer and F. Nietzsche. One of these meanings, which correlates with the philosophy of Schopenhauer, is a human's denial of his dependence on his desires and incompleteness in androgyne as a symbol of indivisible integrity. Another meaning appears as a Nietzschean overman, representing the achievement of the extreme fullness of life in the androgyne, which pours out beyond time, becoming imperishable. It is concluded that these seemingly opposite meanings complement each other and form a continuum represented by a heterogeneous understanding of the concept of androgyne in the outlook of history of philosophy, which allows one to comprehend the many-sidedness of various views on the phenomenon of androgyne in all their completeness and consistency. In this approach, the philosophy of life, despite the absence of the distinguished concept of androgyne in it, acts as a connecting link between different understandings of androgyne, which allows one to overcome contradictions and carry out their synthesis, which opens up a completely new understanding of the ideal of androgyne for a man from the perspective of striving to overcome his nature. The parallels between the concept of androgyne and Schopenhauer's ideals are drawn for the first time in this article.

Keywords: androgyne, overman, philosophy of life, integrity, fullness, human ideal, metaphysics of sex, gender

For citation: Ivanova T. A. The concept of the androgyne through the prism of the philosophy of life of A. Schopenhauer and F. Nietzsche. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 135–138 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2021-21-2-135-138>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Проблема идеала андрогина – одна из самых актуальных для современного человека в свете остроты переживаемых им гендерных противоречий и поиска своей идентичности, который осуществляется в пространстве идей постмодернизма, постгуманизма и постгендеризма. Чтобы постичь такой междисциплинарный поворот к осмыслению человеком темы собственного пола и гендера, необходимо обратиться к его философским истокам, которые уходят своими корнями в концепт андрогина, преимущественно описанный в восточной философии как символ нераздельной целостности, а в западной – как репрезентация динамического единства противоположностей. И в том и в другом идеале преодолевается наличное бытие человека, которое является неполным, поскольку зависимо от мира и собственных желаний, и дисгармоничным, расколотым, поскольку находится в противостоянии с собой, миром и другими людьми. Противоречия между восточным и западным пониманием феномена андрогина побуждают к поиску возможностей синтеза взаимоисключающих, на первый взгляд, попыток его осмысления. Одной из таких возможностей является его рассмотрение сквозь призму философии жизни, где присутствуют коррелирующие с глубинными смысловыми основами андрогинизма ценности предельного мироотрицания и предельной полноты жизни, которые при более внимательном рассмотрении можно понимать как две стороны одного и того же единства.

В восточной философии, которая тесно связана с мифологией, андрогинизм, как и сам концепт андрогина, символически отсылает к образу тотальной целостности за пределами мирского существования человека. Эта целостность сочетает и уравнивает в гармонии не только мужское и женское начала, но и все аспекты бытия, охватывая все потенциально возможные состояния и представляя собой идеал совершенства. Тотальная целостность описывалась в космогонических мифах как разделение цельной субстанции на отдельные части. Например, в «Пуруша-сукта» (гимне «Ригведы») материалом для создания мира становится принесенное в жертву богами тело великого Пуруши [1, с. 236].

В другом ригведийском космогоническом тексте «Насадия-сукта» до сотворения мира представлено Единое существо, которое было, когда «не было ни сущего, ни не-сущего», «ни воздуха, ни небосвода за его пределами», «ни смерти, ни бессмертия» [1, с. 286], т. е. не было никаких разделений, все представляло собой лежащее в основе мира единство. Далее этот космогенез в индуистской мифологии представляет

собой развертывание целого, которое начинается с желания, «первого семени мысли». Именно этот процесс развертывания концептуализировал в своей философии Шопенгауэр, пытаясь перевести ключевые для индийской культуры смыслы на язык, понятный западному читателю. Желание, начинающее процесс дробления целого, предстает у него в качестве импульса мировой воли, выступающей исходным принципом и метафизической действующей силой для всего, что существует, проецируя себя вовне и обретая объективацию в телах [2, с. 200]. Эту волю можно сравнить с огромным живым существом, которое жаждет лишь сохранения себя, являя собой сущность мира в целом, исходя из чего она названа Шопенгауэром волей к жизни. Последняя не имеет цели за пределами самой себя, поскольку слепа и иррациональна, ее стремление так же бессмысленно, как и колесо сансары, ведь оно замкнуто на себе и направлено в никуда, представляя собой дурную бесконечность самовоспроизведения.

Еще одной метафорой мировой воли является огонь, который постоянно требует нового топлива для поддержания горения. В стремлении к поддержанию себя она разбрасывает пересекающиеся друг с другом искры, из-за чего в мире возникает борьба за существование, дробящая первоначальную целостность. Каждая из искр этого огромного целого хочет отождествиться с ним с целью отвоевания себе пространства для жизни, что и делает мир жестоким, ведь в борьбе побеждают те, чья воля сильнее.

Мировая воля истязает себя сама, превращая мир в кошмарный сон, обитель страданий и скорби, а предельным ее выражением является полая любовь, основа которой — ложное устремление к драматическому воспроизведению существами самих себя, которое приводит лишь к тому, что одни пожирают других, чтобы жить и вновь воспроизводиться. Индивид для мировой воли является лишь средством дления себя, которое делает мир наихудшим из возможных. И именно человек как высшая ступень объективации воли должен осознать и преодолеть в себе ее жажду, чтобы избавить мир от страданий. Но для этого ему необходимо изжить в себе исток дления мира, уничтожить саму основу мировой воли в себе, что коррелирует с индийской идеей освобождения от привязанностей, желаний и корысти, обретения мокши и аналогично осуществляется в философии Шопенгауэра посредством мироотрицающих практик созерцания, сострадания и аскезы. Преодоление воли к жизни подразумевает действие человека, направленное против нее, а опустошение им лежащих в основе воли к жизни желаний неизбежно включает борьбу с собственным телом

и полом, который является ядром этих желаний [3, с. 83]. В сострадании к другим живым существам человек отстраняется от участия в борьбе за существование. В созерцании он обретает дистанцию по отношению к своему телу и феноменальному миру, изживая болезненную привязанность к телу и миру. В аскезе человек полностью побеждает волю, поскольку именно посредством аскезы она лишается этой пищи и вынуждена пожирать саму себя. В конечном итоге уничтожение мировой воли в себе приводит человека к единению с тем, что можно назвать мистическим ничто по отношению к феноменальному миру, которое наполнено опытом созерцательного пребывания в Абсолюте, подлинного бытия, самодостаточного блаженства. Именно преодолевая границы феноменального мира в своем сознании, человек освобождается и уменьшает степень бурлящих вокруг него страданий, ослабляя мировую волю.

Самодостаточное блаженство, в котором преодолевается расколотость человеческого бытия и мира, в философии также представлено манифестацией андрогинического идеала, являющего собой тотальную целостность, более не волящего, ни в чем не нуждающегося и ни к чему не стремящегося, воплощая собой недвойственность и неразличимость. В нем нет ничего другого и отличного от него, а его состояние является блаженным покоем, свободным от всяких страданий. Таким образом, в шопенгауэровской философии преодолевший пол в радикальном мироотрицании человек выходит за пределы несовершенного и расколотого материального мира по ту сторону жизни, фундаментально преобразая собственную противоречивую и фрагментарную природу. Дополняя Шопенгауэра, можно предположить, что преодолеть пол означает стать метафизическим андрогинном, положить конец жизни, диктующей необходимость смерти, пройти через смерть и, очистившись от земной предметности, остаться в запредельной по отношению к посюстороннему миру вечности, в тотальном единении с надмирным Абсолютом, в котором бытийствует гармония слияния противоположностей, а не их борьба, наблюдаемая в мире.

В западной философии, начиная с Платона, преобладающим смысловым контекстом понимания андрогина является динамическое единство противоположных начал, которые символически представлены мужским и женским, но более широкое их понимание раскрывается в гармонии любых сосуществующих противоположностей. Отход от этого идеала первочеловека уже является не космогоническим процессом развертывания мира из жажды, как в восточной философии, а результатом падения самого человека, которое

влечет за собой его ответственность за собственную ограниченную, половинчатую и смертную природу, бессильное и зависимое существование. В мифологеме Платона первочеловек-андрогин был наказан Зевсом разделением и ослаблением за гордыню и притязания на власть богов [4, с. 219], в средневековой философии раскол человеческой целостности стал следствием грехопадения [5, с. 206].

Воссоздание утраченного единства означает обретение человеком не только самодостаточности, но и могущества, идею которого наиболее полно раскрыл Ницше, предложив концепт сверхчеловека, преодолевающего человека наличного. Однако для Ницше сверхчеловек – это не гармония противоположностей, а их игра за пределами времени. Ведь закаливший свой дух, принявший идею вечного возвращения, вышедший за пределы собственной односторонности, сверхчеловек пребывает в моменте вечного настоящего, на высшей стадии восхождения духа, которая описана Ницше метафорой ребенка, т. е. по сути андрогинного существа [6, с. 24]. Однако преодоление господства противоположностей над человеком осуществляется в философии Ницше не посредством любви, что было характерно для платонизма, средневековой и русской философии, а посредством воли к власти, полное раскрытие и утверждение которой позволяет человеку метафизически реализовать стремление к бессмертию в самопреодолении, поскольку, становясь сверхчеловеком, он обретает способность к вечному становлению, обновлению и свободному творчеству без начала и конца. Именно в вечном возвращении, в вечном «сейчас» максимально раскрывается присутствие духа, бытие несущего «вечный полдень» [7, с. 273] сверхчеловека, который обуздал свои страсти и более не зависит от круговорота времен, а значит, в нем более нет характерной для древнегреческой и христианской культуры расколотости на тело и дух. Преодолевая этот разрыв, сверхчеловек обретает здоровье и полноту, которую можно сравнить с андрогинической, но не в смысле тотально самодостаточной полноты, а в смысле обретения власти над творческим процессом вечного самозарождения и самообновления, в котором воля не отрицается, а утверждается [8, с. 44].

Параллели между андрогинном и сверхчеловеком проводила Н. К. Бонецкая, которая отмечала, что возрождение платоновского идеала андрогина в русской философии Серебряного века стало своего рода альтернативой ницшеанскому сверхчеловеку [8, с. 83]. Оба концепта означали преодоление ограниченного человеческого существования и выход за его пределы в некое над-

человеческое духовное измерение, которое как в философии Ницше, так и в философии русских философов преодолевало и парадигму христианского мышления, возвращаясь к языческим смыслам, в контексте которых в западной философии и возникла концептуализация андрогина. Однако Ницше критиковал христианство открыто, противопоставляя его ослабляющим, с его точки зрения, ценностям могущество сверхчеловека, а русские философы (Соловьев, Бердяев) пытались переосмыслить христианство таким образом, чтобы аналогично преодолеть характерную для него расколотость на тело и дух, в которой и коренится несамодостаточность человеческого существа, устраняемая лишь посредством андрогинического для Соловьева и Бердяева богоподобия. Они полагали, что воплощением андрогина является Христос, объединивший в себе земное и небесное. Философия Ницше, напротив, постулирует смерть Бога, на место которого приходит сверхчеловек, что также означает богоподобие без стяжания благодати [8, с. 84].

В русской философии андрогин рассматривается как неразрывно связанный с метафизической обополюстью, которая, в конечном итоге, предполагает преодоление раскола между полами посредством любви, а в философии Ницше путь к сверхчеловеку – это путь одиночества. Ведь чтобы преодолеть человеческое в себе, Заратустра стал отшельником и провел в одиночестве долгие годы. Ницшеанский сверхчеловек – это не гармония между полами, а выход за пределы пола, что сближает его с отрешенным, аскетическим идеалом человека Шопенгауэра. Оба этих идеала находят свое отражение в умозрительном представлении об андрогинической целостности, тоска о которой пронизывает всю человеческую историю, начиная с мифов и заканчивая философией. Этот идеал не является достижимым в буквальном смысле, в эмпирическом мире, но указывает человеку вектор духовных устремлений, открывая ему возможность быть больше самого себя, не быть пассивно влекомой частицей круговорота времен или слепой мировой воли, собрать самого себя из фрагментов целого и превзойти ограниченность своего наличного бытия. Вполне возможно, что именно такое устремление служит глубинной основой современных процессов переосмысления пола и гендера, оторванных от их метафизического истока, символом которого является раскол на мужское и женское, телесное и духовное, в качестве преодоления которого выступает андрогиническая целостность, подразумевающая превосходение эмпириче-

ской данности пола и возвышение человека над конфликтующими противоположностями в себе самом посредством их творческого синтеза.

Список литературы

1. Ригведа: Мандалы IX–X / отв. ред. П. А. Гринцер. М. : Наука, 1999. 559 с.
2. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М. : АСТ, 2020. 672 с.
3. Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. СПб. : Азбука, 2015. 224 с.
4. Платон. Диалоги. Апология Сократа. М. : АСТ, 2019. 352 с.
5. Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. М. : Мартис, 1998. 446 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб. : Издательский дом «Азбука-классика», 2008. 336 с.
7. Сафрански Р. Ницше: биография его мысли. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 456 с.
8. Бонетская Н. К. Андрогин против сверхчеловека // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 81–95.

References

1. *Rigveda: Mandaly IX–X* [P. A. Grintser, Ans. ed. The Rig-Veda. Mandalas IX–X]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 559 p. (in Russian).
2. Schopenhauer A. *Die Welt als Wille und Vorstellung*, Leipzig, F. A. Brockhaus, 1859. 633 S. (Russ. ed.: Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie*. Moscow, AST Publ., 2020. 672 p.).
3. Schopenhauer A. *Metaphysik der Geschlechtsliebe*, Dachau bei München, Einhorn-Verlag, 1919. 308 S. (Russ. ed.: Shopengauer A. *Metafizika polovoy lyubvi*. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 224 p.).
4. Platon. *Dialogi. Apologiya Sokrata* [Dialogues. Apology of Socrates]. Moscow, AST Publ., 2019. 352 p. (in Russian).
5. Brilliantov A. I. *Vliyanie vostochnogo bogosloviya na zapadnoe v proizvedeniyakh Ioanna Skota Erigeny* [The Influence of Eastern Theology on the Western One in the Works of John Scotus Eriugena]. Moscow, Martis Publ., 1998. 446 p. (in Russian).
6. Nitsche F. *Also Sprach Zarathustra*, Leipzig, Verlag von C. G. Naumann, 1899. 476 S. (Russ. ed.: Nitsche F. *Tak govoril Zarathustra*. St. Petersburg, Izdatelskiy dom “Azbuka-klassika”, 2008. 336 p.).
7. Safranski R. *Nietzsche. Biographie seines Denkens*, München, Carl Hanser Verlag, 2000. 400 S. (Russ. ed.: Safranski R. *Nitsche: biografiya ego mysli*. Moscow, Izdatelskiy dom “Delo” RANKHiGS, 2016. 456 p.).
8. Bonetskaya N. K. *Androgyne Versus the Superman. Voprosy filosofii*, 2011, no. 7, pp. 81–95 (in Russian).

Поступила в редакцию 29.11.2020, после рецензирования 19.01.2021, принята к публикации 15.03.2021
Received 29.11.2020, revised 19.01.2021, accepted 15.03.2021